

На второй день снег, который шёл всю ночь, приятно сверкал от утренних лучей солнца.

Большой снежный покров словно толстым ковром укрыл землю, собираясь напитать семена будущего года.

Главные ворота императорского дворца постепенно распахнулись настежь, множество чиновников после потрясающего и бурного ночного веселья вернули себе привычный важный вид. Обернувшись и глядя, как один за другим входят в главный зал их сотоварищи, чиновники могли увидеть несколько хорошо знакомых лиц и множество незнакомцев.

Людей, которые вчера ещё болтали, обсуждая политические дела, возможно, прошлой ночью уже тайно предали смерти. Последователей храма цзиши без малейшего снисхождения спешно уничтожили, и все знали, чьих рук было дело.

Сидящий в центре зала император Дунфань, на чьей голове красовалась императорская корона, выглядел величественно и торжественно. После уничтожения храма цзиши большая часть власти была теперь сосредоточена в его руках, и с сегодняшнего дня в Дунфань не было никого, кто мог смело дерзить этому молодому государю.

Справа и слева от императора Дунфань были отведены два места: справа сидел всем известный и спокойный Лу Дань, а место слева пустовало. Конечно же, это место изначально принадлежало главе цзиши.

— Долгие лета нашему государю, долгие лета! — проявив высочайшее уважение, множество людей разделились на два ряда и заняли свои места.

— Дорогие господа сановники, храм цзиши пренебрежительно отнёсся к духам, оскорбив человека, которому покровительствовали Небеса, за это духи ниспослали наказание — наше тёмно-синее озеро превратилось в иссиня-чёрное. Об этом все, должно быть, знают. — Император Дунфань окинул взором всех министров, ласковый взгляд остановился на Лу Дане, а сам мужчина открыл рот и сказал: — Храм цзиши уже давно приносил смуту в дела управления государством, господин советник проделал огромную работу. Далее господин советник известит об этом.

В глазах Лу Даня засверкал блеск, словно мелкая бегущая рябь посреди моря, а сам советник, повернувшись к императору Дунфань, молчаливо слегка кивнул и поднялся с места.

— Глава цзиши и остальные цзиши, поняв, что идут против духов, повинились и покончили с собой. Уже приняты меры против охраны храма цзиши и служанок, что жертвовали собою ради храма. Святое озеро разрушено — это позор, который Дунфань никогда с себя не смоеет. Храм цзиши привёл к такой беде из-за того, что цзиши оскорбили человека, которому покровительствовали Небеса, однако к тому, что в Дунфань постоянно творилось всякое зло, храм цзиши тоже имел некоторое отношение. Среди императорских чиновников также немало тех, кто, вступив в сговор с цзиши, плодил беспорядки и наводил смуту, например: Тянь Иньчан, секретарь [1] Тун Вэнь и секретарь Гун У... — Лу Дань медленно называл имена

десятков людей, ясно произнося каждую букву, а после с холодной усмешкой добавил: — Эти люди, которые без уважения отнеслись к царствующему дому и, связавшись с цзиши, создавали смуту в Дунфань, прошлой ночью были казнены.

Множество чиновников украдкой, подняв головы, посмотрели по сторонам, действительно не увидев тех, чьи имена назвал Лу Дань. При мысли о товарищах, обычно оскорбляющих Лу Даня, чьи трупы теперь неизвестно где, у храбрых мелких чиновников задрожали руки, а сами мужчины отчаянно пытались вспомнить: совершали ли они когда-нибудь то, что могло вызвать немилость Лу Даня.

Не обращая внимания на бледные лица сидящих внизу чиновников, господин советник вновь усмехнулся и продолжил:

— Цзиши изначально являлись духовными прислужницами. Они должны были жить в покое и уединении там, где их никто бы не увидел, сосредоточенно прислуживая духам, а не входить в главный зал и влиять на решение государя. Мой Дунфань — государство, любящее духов, и нельзя, чтобы оно однажды лишилось цзиши. Ввиду этого я всем членам семей чиновников, которых также следовало бы казнить, сохраняю жизнь, позволив им вступить в небесно-земной дворец, чтобы прислуживать духам. Надеюсь, чтобы искупить свою вину, они отдадут всё, принося благодарность духам Дунфань.

Стоило упомянуть это, как в воздухе с обеих сторон раздались звонкие хлопки.

С наивным, только безжизненным выражением лиц толпа юношей и девушек, поделившись на две шеренги, цепочкой прошла в зал.

— Это будущие цзиши Дунфань, им не позволено покидать небесно-земной дворец даже на шаг. Тот, кто осмелится самовольно обсуждать политику государства, будет приговорён к высшей мере наказания. — Окинув взглядом толпу, Лу Дань ласково спросил: — У кого-нибудь на подобный счёт имеются претензии?

Множество людей уже перепугались. Разве могли они отважиться и подавать голос?

Среди толпы императорских чиновников оказались те, кто был недоволен господином советником, однако они также подверглись гнёту цзиши и понимали: если цзиши вновь вмешаются в дела государства, последствия могут быть плачевными, потому насчёт подобного вопроса никто с Лу Данем не спорил.

В большом главном зале повисло глубокое молчание — ни у кого не было возражений.

Над головами донёсся мелодичный голос господина советника:

— Кроме того, в небесно-земном дворце вещи для обрядов и подношения не менялись уже

много лет, кожаная обивка больших барабанов слишком обветшала. Я уже приказал оставить в целостности и сохранности кожу, содранную с преступников прошлой ночью, чтобы изготовить новую обивку. Пусть духи знают о нашей решимости в наказании преступников.

Все собравшиеся в главном зале содрогнулись.

Кроме нескольких человек, никто не знал о чиновниках, приговорённых прошлой ночью к смертной казни, с которых, оказывается, живём содрали кожу и умертвили. От подобного рода наказания действительно трепетало сердце. Увидев выразительный взгляд Лу Даня, многие вновь испугались.

— Такое дело, у кого-нибудь имеются возражения? — голос Лу Даня всё ещё звучал ласково, словно морозящий дождь.

Повисла пауза.

— Если нет возражений...

— Господин советник, прошу, подождите, — донёсся старый и в то же время хриплый голос. Отвечающий за сельское хозяйство управляющий Тянь Цин-сы [2] медленно проговорил: — Небесно-земной дворец является чистым и священным местом, и использовать человеческую кожу для обивки барабанов, похоже... — Чиновник почувствовал многочисленные взгляды на себе, давящий воздух стал ещё более тяжёлым, потому голос Тянь Цин-сы постепенно ослаб.

— Что «похоже»? — Лу Дань одарил чиновника милой и лёгкой улыбкой и, терпеливо глядя на него, блекло выплюнул, разомкнув алые губы: — Выкладывай.

— Ваш старый слуга... Ваш старый слуга думает, что всё же обычная бычья кожа лучше. Прошу государя принять решение. — Сглотнув, Тянь Цин-сы не осмелился смотреть на господина советника и, взглянув на стоящего напротив вытянутого в струну генерала Цзюнь лин-сы [3], только тогда с благоговейной душой перевёл взгляд на императора Дунфань.

На лице императора Дунфань сохранялось всепроникающее спокойствие:

— Небеса души не чают в милосердном государе, мысли Тянь Цин-сы не беспричинны. Вот только господин советник так действует, чтобы предостеречь тех, кто задумал взбунтоваться, эти серьёзные меры должны гарантировать стабильность моему Дунфань. Только в стабильном государстве народ будет жить ещё лучше. Хорошенько подумайте, решение господина советника действительно полно милосердия к невинному народу моего Дунфань. — Стоило императору упомянуть об этом, как множеству чиновников стало понятно, насколько всё же весомо нынешнее положение Лу Даня.

— Это... — Тянь Цин-сы потрянул бородой, желая вновь вернуться к этому вопросу, однако,

внезапно увидев выразительный взгляд Цзюнь лин-сы, остановился и проглотил всё, что хотел сказать. — У государя глубокомысленные думы, а господин советник всё тщательно продумал. — Опустив голову, мужчина вернулся к толпе чиновников.

Увидев, что у государя, что у расположившихся внизу чиновников нет другого мнения, Лу Дань обнажил привлекательную улыбку:

— Раз уж никто не имеет другого мнения, дело о храме цзиши и грешных чиновниках на этом решено. Далее, господа, если есть какое-либо дело, можете доложить государю.

Все молча обменялись взглядами.

— Что, совсем нечего доложить государю? Тогда...

— Подождите. — Из толпы вышел высокий, со сверкающими воодушевлением глазами, мужчина средних лет, выражение лица у него было пронзительно холодным с чертами военнослужащего: — Государь, у Вашего слуги есть слово.

Уголки губ Лу Даня слегка шевельнулись:

— Цзюнь лин-сы, если есть дело, прошу доложи.

Мужчина, взглянув на Лу Даня, обратился к императору Дунфань с вопросом:

— Позвольте спросить государя: раз среди людей храма цзиши никто не будет участвовать в делах управления государством, а место помощника правителя, которое занимала глава цзиши, сейчас пустует, — вытянув указательный палец, мужчина указал на освободившееся место возле императора Дунфань, — Ваш слуга считает, что самое важное сейчас — выбрать нового помощника правителя.

Цзюнь лин-сы заведовал всей армией Дунфань, это положение наследовалось в семье военных из поколения в поколение, почти все известные военачальники были родом из военных семей. Этот Цзюнь Цин [4], происходивший из поколения генералов, серьёзно относился даже к речам и смеху [5], будучи спокойным, всегда поступал по справедливости, не склоняясь ни на одну, ни на другую сторону, даже тогдашняя глава цзиши не смела опрометчиво его задевать. И сейчас, когда генерал высказывался, даже император Дунфань был вынужден вести себя осмотрительно.

— Для победы не обязательно иметь тысячу людей, достаточно одного советника. — И император Дунфань с лёгкой улыбкой добавил: — Лучше поручим дело о помощнике господину советнику.

Очень высокий Цзюнь Цин, стоя в главном зале и услышав ответ императора Дунфань, чёрство

проговорил:

— Государю при себе нужно по крайней мере иметь двух помощников, таков столетний закон страны, нельзя идти против него. Сейчас, кроме господина советника, не хватает ещё одного человека.

Прозвучавшие слова дали всем понять, что Цзюнь Цин хочет потеснить высокомерного Лу Даня.

Место возле императора Дунфань, которое отводилось покойной главе цзиши, конечно же, являлось наивысшей позицией, и об этом знал каждый. Получивший это место мог оказаться в равном положении с Лу Данем.

«Повисшее в воздухе» место означало — у Лу Даня в Дунфань больше не осталось достойных противников.

После уничтожения серьёзного врага в лице цзиши, сейчас могущество господина советника было словно солнце в зените, и в этот момент выйти и потеснить мощь Лу Даня, кроме Цзюнь лин-сы, в Дунфань, пожалуй, больше никто не осмелился.

Множество чиновников исподтишка поглядели на Лу Даня и увидели, как мужчина поджал губы, не издав ни звука, его лицо не было ни злым, ни взволнованным, и причина этому было неясно.

Подвергшись резкому возражению со стороны Цзюнь лин-сы, император Дунфань, зная, что у генерала такой характер, также не разгневался и мягко проговорил:

— В том, что говорит Цзюнь лин-сы, есть смысл. Только выбрать помощника вовсе не минутное дело. Сделаем поспешный выбор, и кто знает, могут вновь произойти такие же беспорядки, что учиняла глава цзиши. Мы посмотрим, и через несколько дней вновь соберём совет.

— Государь, — Цзюнь Цин, сложив руки в знак почтения, слёзно проговорил, — помощника, безусловно, нелегко найти, однако если позволить человеку на протяжении долгих лет решать государственные дела, то это крайне губительно скажется на государстве. Ваш слуга просит государя не тянуть с этим делом, — решительно и бесповоротно сказал мужчина, на что император Дунфань, из-за повторного резкого возражения, опечалился.

— Дорогой сановник Цзюнь, это... — Цзюнь Цин всё же руководил всей военной мощью государства, и император Дунфань не мог оказать ему слишком мало чести, однако в душе мужчина, конечно же, понимал, что если одобрит кандидата на роль помощника, то, соответственно, согласится на притеснение Лу Даня, и, посмотрев на молчаливого господина советника, император невольно оказался в затруднительном положении.

Немного замешкавшись, стоящий внизу ещё один молодой чиновник сделал шаг вперёд и, встав за спиной Цзюнь лин-сы, сказал:

— Государь, Ваш подчинённый одобряет мнение Цзюнь лин-сы.

— Ваш слуга тоже одобряет мнение Цзюнь лин-сы.

— Ваш слуга тоже.

— Ваш слуга тоже.

Но император ничего не ответил.

Около десяти принадлежавших военной системе чиновников, тронувшись с места, подошли.

Все эти люди величественно выражали волю военного совета Дунфань и были противостоящей стороной знаменитого господина советника. В главном зале воцарилась безмолвная тишина, множество людей, затаив дыхание, смотрели на императора Дунфань.

Последний в свою очередь спокойно закрыл глаза, через мгновение так же медленно открыл их и, посмотрев на рядом стоящего Лу Даня, мягко проговорил:

— Что думает господин советник?

Алые губы Лу Даня слегка дрогнули, обнажая шелковинку глубокомысленной улыбки, а сам мужчина громко, чтобы все собравшиеся в зале чиновники могли услышать, ответил:

— Слова Цзюнь лин-сы вовсе не лишены здравого смысла, вот только поспешны. Лу Даню действительно сложно представить хорошую кандидатуру. Это дело пусть решает государь.

Перестав чинить препятствия, господин советник внезапно стал таким сговорчивым, что даже стоящий у ступенек Цзюнь Цин был поражён, как и другие офицеры.

— Государь, — седовласый генерал армии Цан Янь сделал шаг вперёд, — Ваш слуга хочет предложить кандидатуру Цзюнь лин-сы в качестве помощника правителя. Цзюнь лин-сы непоколебимо предан Дунфань, ведёт себя беспристрастно и строго, он со всей ответственностью подходит к решению военных проблем. Ваш слуга считает, что из всех министров и чиновников лишь Цзюнь лин-сы достоин этой должности.

Стоило мужчине выступить в пользу Цзюнь лин-сы, как другие военные чиновники, разумеется, сделали шаг вперёд.

— Ваш слуга всецело согласен с кандидатурой Цзюнь лин-сы.

— И Ваш слуга тоже.

— Цзюнь лин-сы на протяжении долгих лет вносил огромный вклад в развитие Дунфань и до сих пор предан царствующему дому.

— Пожалуйста, государь, подумайте об этом.

Множество чиновников выдвигали кандидатуру Цзюнь лин-сы на место помощника, который был бы ниже Единственного [6], но выше тьмы [7], однако сам генерал, не выказывая ни малейшего самодовольства, стоял с неизменной военной выправкой, застыв перед государем и ожидая, когда император Дунфань выскажет свою точку зрения.

— Ваши слуги хотят выдвинуть Цзюнь лин-сы на должность помощника правителя.

Не только военное командование, но и гражданские чиновники, похоже, нашли такое созерцание огня с противоположного берега [8] неподобающим — оставаться молчаливым, когда все высказывают своё мнение, в крайнем случае, Цзюнь лин-сы, заняв должность помощника правителя, перекроет старые долги. Разве это плохо? Все посмотрели друг на друга, боясь вызвать недовольство Лу Даня и Цзюнь лин-сы, только было неловко слышать, как множество военнотружущих всеми силами проталкивают кандидатуру Цзюнь Цина.

Только господин советник, словно не слыша, вытянул тонкие, похожие на стрелки лука, пальцы, внимательно посмотрел на них и внезапно, не поднимая взгляда, спокойно окликнул:

— Тянь Цин-сы...

Обеспокоенный Тянь Цин-сы, внезапно услышав собственное имя из уст Лу Даня, вздрогнул и одряхлело медленно вышел:

— Господин советник что-то хочет приказать?

— Ты являешься старым слугой, и прежние государи хвалили твой крайне широкий кругозор.

— Лу Дань поднял голову и пристально взглянул на мужчину похожими на чёрный оникс глазами, которые светились тёплым блеском. — Верно ли, что только Цзюнь лин-сы способен занять место помощника?

— Эта... — Тянь Цин-сы посмотрел по сторонам, Лу Дань улыбнулся чрезмерно глубоко [9], а Цзюнь Цин, не проронив ни слова, всё же не сумел разгадать этих двоих мужчин, которых нельзя было оскорблять. Тянь Цин-сы, томившись долгое время, с осторожностью ответил: — Кандидатура помощника имеет огромное значение для страны, Ваш слуга считает, что всё же лучше позволить решить это императору Дунфань. — И, словно держа в руках горячий

картофель [10], мужчина перебрал проблему на государя.

Лу Дань, кивнув головой, вдруг развернулся и, обращаясь к императору Дунфань, завис в глубоком поклоне:

— Ваш слуга тоже считает, что из всех чиновников Цзюнь лин-сы крайне способный кандидат на роль императорского помощника.

Слова были сказаны, и все чиновники зашумели, в особенности военные люди, которые вытаращили глаза и открыли рот от изумления. Всем было известно, что господин советник, который в течение многих лет сражался с цзиши не на жизнь, а на смерть, являлся крайне жестоким человеком. Сейчас он только заполучил огромную власть, а какой человек может добровольно позволить кому-нибудь в Дунфань подавить её?

На что император Дунфань, угукнув, одобрительно взглянул на Цзюнь Цина и, открыв рот, проговорил:

— Цзюнь лин-сы в течение многих лет служил на благо царствующего дома Дунфань, редко ошибаясь, и он действительно является достойной кандидатурой. — Ненадолго остановившись, император Дунфань добавил, спрашивая: — Согласно намерениям господина советника, стоит ли выбрать Цзюнь Цина на место другого помощника правителя?

Лу Дань пробормотал:

— Ваш слуга считает, что Цзюнь лин-сы подходящая кандидатура, потому что он действительно из всех чиновников Дунфань крайне выдающаяся личность. Вот только... — советник внезапно изменил тон и, растягивая, выплюнул последние два слова, заставляя радостных командиров внезапно насторожиться и ощутить дурное предчувствие: — ...умения Цзюнь лин-сы заключаются в охране территории и подготовке солдат. Заняв должность помощника правителя, Цзюнь лин-сы наверняка обеспечит спокойствие Дунфань, однако, если говорить о развитии могущества, совершенно не стоит питать каких-либо надежд.

Молчаливо стоящий Цзюнь лин-сы, услышав слова, не обиделся, наоборот, деловитым тоном ответил:

— Умения Цзюнь Цин, конечно же, не идут ни в какое сравнение с умениями господина советника.

— Цзюнь лин-сы не так всё понял, — Лу Дань благосклонно улыбнулся мужчине. — Хоть Лу Дань самонадеян, однако всё же не осмелится так бахвалиться. Государь, Ваш слуга имеет в виду находящегося здесь дорогого гостя, этот человек известен своей мудростью, нет никого, кому бы он не понравился, если он займёт должность помощника правителя, то это будет огромной удачей для моего Дунфань, — обернувшись, учтиво обратился господин советник к императору.

Внезапно мужчине всё стало ясно, и он со смехом сказал:

— Господин советник выдвигает на должность, определённо, князя Мина из Силэй.

— Жун Тянь уже мёртв, князю Мину некуда идти, и это является выдающейся наградой духов моему Дунфань.

Увидев, что дело резко изменилось, Цан Янь понял: император Дунфань всегда безропотно слушался Лу Даня, и спешно проговорил:

— Князь Мин совсем не является чиновником моего Дунфань. Может ли он стать помощником правителя Дунфань? Прошу государя тщательно всё обдумать.

— Слова генерала Цан Яня разумны, это также является причиной того, почему Лу Дань не выдвигал кандидатуру князя Мина, — со вздохом проговорил господин советник. — Хоть его способности хороши, однако их нельзя использовать. Досадно, досадно. Государь, на всякий случай Ваш слуга всё же решил порекомендовать Цзюнь лин-сы как лучшего помощника правителя.

— В таком случае Мы немедля...

Как мог всегда честолюбивый Цзюнь Цин не понять замыслы Лу Даня, а, став помощником императора, не исключена возможность, что в течение всей жизни он будет обладать репутацией ничуть не хуже, чем была у князя Мина из Силэй. Он, генерал Цзюнь Цин, родился в семье известного генерала, где репутации предавали огромное значение, а люди, которые таким нечестным образом получали повышение, вызывали у мужчины крайнее отвращение, словно те ели мух. Сам же генерал, внезапно сделав шаг вперёд, проговорил:

— Государь, у Вашего слуги есть одна просьба.

— Э? Что дорогой слуга хочет сказать?

— Помощник правителя чрезвычайно важен для Дунфань, и потому необходимо выбрать подходящего человека, который будет служить на благо страны. Сейчас всемирно известный князь Мин находится в моём Дунфань, однако он явно бесполезен, что очень досадно. — Увидев, что император Дунфань слегка кивнул, Цзюнь лин-сы поменял тон: — О просветлённом разуме князя Мина Ваш слуга, как и все остальные, лишь слышал, однако своими глазами не видел. В этом мире царит ложь, а если Дунфань выберет в качестве помощника правителя кого-то, лишь опираясь на пустую славу, разве не будет это выглядеть нелепо?

Император Дунфань кивнул и мягко ответил:

— Дорогой сановник говорит разумно. Опираясь на мнение дорогого сановника, как же нужно

действовать?

— Ваш слуга считает, сначала нужно тщательно проверить способности князя Мина, если его умения действительно достигнут неба [11] и если ещё выяснится его чувство верности к моему Дунфань, то, разумеется, выберем его, сделав помощником правителя. А если в итоге он разочарует нас, тогда вновь соберёмся и обсудим кандидата на роль помощника правителя.

Хоть Цзюнь Цин не выразился яснее, однако в душе множество людей всё же поняли: как только вновь они вернутся к этому вопросу, место помощника правителя непременно захочет занять Цзюнь лин-сы.

— Дорогой сановник прав, — похвалил император Дунфань и перевёл взгляд на Лу Даня. — Как считает господин советник?

Последний с усмешкой поклонился:

— Полностью полагаюсь на решение государя.

— Ну что ж, Мы дадим вам три месяца, — провозгласил император Дунфань. — В течение этого времени князю Мину даётся право участвовать в военных делах Дунфань, это нам позволит увидеть старания князя Мина, и, возможно, военная мощь Дунфань станет сильнее, чем раньше.

На что Цзюнь Цин проговорил:

— Князь Мин не знаком с военными делами Дунфань, прошу государя позволить Цзюнь Цину со стороны помогать.

— Конечно, — кивнул император Дунфань, соглашаясь.

От битвы за позицию помощника правителя до права держать под контролем военную систему — схватка между нравственным главнокомандующим всей армии Цзюнь лин-сы и чужеземным гостем князем Мином неторопливо началась.

Примечания:

[1] В оригинале 書 (shū shǐ) шуши дословно переводится как «писать, принуждать». То есть первый иероглиф 書 (шу) это сокращённо от 書 (шуцзи), что означает «секретарь», а второй — 士 (ши) — родовое слово, входившее в состав названий многих должностей.

[2] Цин — имя, а «сы» обозначает должность управляющего\главы\старшины, пишется после имени. Также 士 (сы) этимологически иероглиф образует пару к иероглифу "принц", и означает человека, который помогает принцу в управлении, также сгибаясь над подчиненными и отдавая указания своим ртом.

[3] Цзюнь — фамилия, «лин-сы» — военное звание, досл. «управлять военными приказами/управлять армией». Дословно получается «управляющий армией/полководец Цзюнь».

[4] Цин — имя генерала Цзюня.

[5] Обр. в знач.: быть серьёзным, не смеяться и не болтать попусту.

[6] Императора.

[7] Тьма — это десять тысяч, обр. о первом министре.

[8] Обр. в знач.: уклониться от помощи попавшему в беду, оставаться безучастным к чужому несчастью.

[9] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: чересчур глубокий, трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[10] «Горячая картофелина» — обр. щекотливая проблема, головная боль.

[11] Обр. в знач.: быть великим, выдающимся.

<http://bllate.org/book/13377/1190148>